

В.И.Макаров

ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА ПРИ АНАЛИЗЕ ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Рассматриваются вопросы, связанные с компетенцией эксперта-лингвиста в случаях назначения судебной экспертизы по делам, затрагивающим проявление экстремистской идеологии. Разбираются порядок назначения, типичные вопросы, уточняются границы компетенции эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: лингвистическая судебная экспертиза, компетенция эксперта, экстремизм

В существующей литературе совершенно справедливо высказывается мысль о том, что исследование материалов, представленных в массовой коммуникации, на предмет содержания в них смыслов, относимых законодательством к экстремистским, по преимуществу является комплексной проблемой, затрагивающей компетенцию далеко не только лингвистов.

Подобные материалы, как правило, оперируют не только словами или иными единицами, относимыми к устойчивым знаковым системам.

«В особенности это относится к материалам, сочетающим в себе текстовые и графические компоненты либо вообще представляющим собой графическое изображение (рисунок, фотографию коллаж), либо видеоряд с музыкальным сопровождением (без текстового компонента). Практика показывает, что в этих случаях возможности однородной лингвистической экспертизы, ориентированной в первую очередь на анализ речевых высказываний, оказывается недостаточными» [1].

Частотным явлением стала практика назначения различных комплексных и комбинированных видов экспертиз, которые призваны ответить на поставленные вопросы более эффективно, нежели экспертизы аспектные.

В связи с этим в научной среде возникают и обсуждаются вопросы, которые не получили еще однозначного решения. Выскажем свое мнение по ним и мы.

1. Во всех ли случаях должна назначаться экспертиза с участием эксперта-лингвиста?

Существует мнение, что в некоторых случаях экстремистский характер высказывания самоочевиден, легко прочитывается на уровне «наивного» языкового сознания и не нуждается в подтверждении компетентного специалиста: «Не следует ставить на разрешение эксперта вопросы, относящиеся к наивному лингвистическому сознанию носителя русского языка и обыденному житейскому знанию. Анализ практики назначения и производства судебных экспертиз показывает, что иногда по делам, связанным со словесным экстремизмом на разрешение эксперта вопросы ставятся относительно объектов, диагностика признаков экстремизма в которых не требует специальных знаний» [2, с. 207-208].

Практика показывает, что это далеко не так. Сама постановка вопроса о разделении спорных ситуаций на очевидные, не требующие заключения эксперта, и остальные чревата возможностью неправомерных судебных решений. Наивное языковое сознание, скажем, следователя либо работника отдела «Э» зачастую не ощущает иронического, игрового и иного эстетически значимого контекста. Тексты, которые пародируют экстремистские лозунги, часто делают это грубо и прямолинейно и легко привлекают внимание борцов с экстремизмом.

Пример. На исследование эксперта поступила песня израильских реперов, эксплуатирующих в ироническом контексте типичные антисемитские стереотипы и выражающих их в грубой, провокационной манере. Следственные органы, однако, приняли все это за чистую монету.

То же касается провокационных материалов, когда экстремистские тексты фабрикуются с целью дискредитации той или иной политической либо социальной группы.

Пример. На исследование поступила серия лозунгов, приписываемых группировке так называемых «антифа», с призывами к агрессивным действиям против славян и представителей белой расы. На самом деле эта группировка ни к чему подобному не призвала.

Возможно, в данном случае и необходимо вмешательство органов правопорядка, но, очевидно, к экстремизму это уже отношения иметь не будет.

Чтобы разобраться во всем этом хитросплетении смыслов, необходимо заключение не просто компетентного специалиста, но и человека, обладающего определенным уровнем эрудиции, позволяющим выявить подтекст и эстетическую значимость текста.

То же касается текстов, которые с современной точки зрения выглядят как экстремистские, но на самом деле принадлежат истории и не могут оцениваться по лекалам наших дней.

Пример. Известный каждому практикующему эксперту текст указа императрицы Елизаветы о высылке евреев за пределы Российской империи, публикация которого в Центрах «Э» проходит как «одобрение депортации лиц по национальному признаку» (на самом деле все зависит от контекста, разумеется).

2. Вопросы, которые следует или не следует задавать.

За последние 20 лет разработано немало методик и комплексов вопросов для оценки материалов на содержание в них экстремистских идей (обзор — здесь [2]).

Следует согласиться с изложенными здесь общими положениями:

«Вопросы, ставящиеся на разрешение эксперта, должны отвечать ряду требований:

- 1) относиться к компетенции эксперта;
- 2) не допускать двойного толкования;
- 3) быть достаточными». [2, с. 208].

Развивая данную мысль, перечислим типичные ошибки при постановке вопросов:

1) Присутствие в вопросах в явном или завуалированном виде юридических формулировок, прежде всего самого слова «экстремизм» и его производных, а также положений, заимствованных непосредственно из статей уголовного и других кодексов.

Разумеется, эта ошибка констатирована уже давно, но раз за разом повторяется. Причиной, помимо некомпетентности лица, назначающего экспертизу, могут быть особенности работы органов правопорядка и их взаимодействия между собой. Если следователь или оперативник получают заключение эксперта, который в пределах своей компетенции констатирует наличие в тех или иных словах, фразах негативных суждений, оценок относительно людей по признаку принадлежности к национальности, религии и т.д., то им еще надо доказывать, что это направлено на возбуждение ненависти либо вражды. Зачастую это делается за счет признательных показаний, но если их нет, то возникают затруднения, так как надзорное ведомство требует, чтобы все выводы следователем делались строго в рамках закона без каких-либо логических скачков.

Поэтому следователи зачастую стараются заложить максимально возможную доказательную базу в заключение эксперта, следствием чего раз за разом становится постановка вопросов с прямыми юридическими формулировками.

2) Постановка вопросов, дублирующих в смысловом отношении друг друга. Часто это делается исходя из ложной идеи о том, что большое количество поставленных вопросов придает экспертизе солидность.

Пример. Вопросы, поставленные в одной из экспертиз.

«Используются ли в предоставленных материалах словесные, изобразительные или иные средства для передачи сведений враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, расовой, религиозной или социальной группы?»

Используются ли в представленных материалах словесные, изобразительные или иные средства для передачи сведений об изначальной враждебности какой-либо нации, расы, религиозной или социальной группы соотношению к другой?

Используются ли в предоставленных материалах словесные изобразительные или иные средства, которыми бедствия, неблагополучие в прошлом, настоящем и будущем одной национальной, расовой, религиозной или социальной группы объясняются существованием и целенаправленной деятельностью другой группы?

Используются ли в представленных материалах словесные изобразительные или иные средства для передачи сведений, побуждающих к совершению действий против представителей какой-либо нации, расы, религиозной и социальной группы?

Используются ли в представленных материалах словесные, изобразительные или иные средства для передачи сведений, оправдывающих, одобряющих или обосновывающих необходимость или возможность агрессивных, насильственных действий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религиозной или социальной группы?»

По сути, первый вопрос здесь является излишним, так как смыслы, о которых в нем говорится, обнаруживаются при ответе на остальные вопросы.

3) Присутствие вопросов, которые относятся к компетенции иных специалистов — психологов, историков, религиоведов, социологов. К подобным вопросам относятся вопросы о воздействии, влиянии текстов на сознание адресата, замысле, намерении, психологическом состоянии автора высказываний. Лингвист отвечает только на вопросы, касающиеся соотношения «знак — смысл» в контексте, охватываемом лингвистическими методами анализа.

3. До какого предела эксперт способен компетентно отвечать на вопросы о содержании в материалах тех или иных смыслов, включая креолизованные тексты?

В практике эксперта-лингвиста по делам, связанным с экстремизмом, сравнительно редко встречаются случаи, когда необходимо проанализировать просто текст. Чаще всего, речь идет о креолизованном объекте, то есть тексте в том или ином сочетании с изображением или иными объектами.

Приведем классификацию Е.А.Елиной, где выделены следующие виды отношений между вербальным и изобразительным компонентом:

- доминирующая роль текста;
- доминирующая роль изображения;
- текст как комментарий к изображению;
- изображение как иллюстрация к тексту;

— независимые номинативные взаимоотношения (изображение и текст самостоятельно несут информацию);

- независимые отношения (и изображение, и текст участвуют в создании контекста);
- текст как графически оформленная речь персонажа. [Цит. 3, с. 29-33]

Кроме того, текст сочетается с видеоизображением, музыкой и другими медиасоставляющими.

Возникает вопрос, до каких пределов распространяется компетенция лингвиста при анализе подобного материала? Как самому эксперту понять, что дальнейшее истолкование того или иного креолизованного текста или объекта необходимо передать специалистам иных отраслей знания?

Основой здесь может стать понятие знаковой ситуации, когда, с одной стороны, имеется план выражения, принадлежащий языку или иной устойчивой знаковой системе, а с другой — возможность выразить план содержания в языковой форме, желательно с опорой на те или иные кодифицированные или иные научно верифицированные источники (словари, грамматики, энциклопедии).

Креолизованная составляющая материалов рассматривается как контекст. Чаще всего такой контекст несет очевидный смысл (например, всем понятно, какую идею несет изображение мусорного ведра, в которое бросают тот или иной объект, или изображение молота, холодного оружия, виселицы, с помощью которых обрушивают удары на кого-либо, протыкают, вешают). Пределы компетенции лингвиста наступают тогда, когда для объяснения контекста необходимо привлечение энциклопедического знания, относящегося к иным наукам (исторический, культурологический и т.д. комментарий), без которого смысловое содержание не может быть выявлено полностью.

Отдельно в этой связи хотелось бы сказать несколько слов о распространившейся в последние годы практике дел, связанных с демонстрацией нацистской символики. Разумеется, с нашей точки зрения, эксперт-лингвист вправе давать оценку наличия / отсутствия данной символики в предложенных ему материалах, так как она принадлежит к определенной устойчивой знаковой системе. Однако актуальным является в связи с этим вопрос об издании лексикографического источника / справочника экстремистской символики, что было бы хорошим подспорьем для экспертов, надежно подкрепляющим их выводы.

4. Оценка понятия «социальной группы». Сложность и неоднозначность этого понятия в применении к задачам лингвистической экспертизы уже отмечалась [4]. Однако игнорировать присутствие этого понятия в антиэкстремистском законодательстве не приходится. Попытки отрицать само понятие социальной группы или растворять его в других понятиях, ср. «При изложении перечня вопросов под социальной группой понимается объединение людей по признаку расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии или принадлежности к какой-либо иной социальной группе» [2, с. 211] кажутся малопродуктивными. Конечно, всем известно, что, прикрываясь понятием «социальной группы», в некоторых регионах России разворачивают репрессии против любых критиков власти. Но при этом нельзя отрицать, что немало групп, меньшинств нуждаются в защите от агрессивных мнений и нападков.

Соответственно, необходимо выработать алгоритм, который позволил бы применять понятие «социальной группы» в экспертной практике эффективно и с учетом реальных общественных интересов.

В своей практике автор данной статьи руководствуется простым вопросом.

1. Принадлежит ли социальная группа к защищенным (самим статусом или иными законами) или нет?

2. Является ли информация побуждающей к агрессивным действиям или имеет просто оценочный, критический характер?

3. Если идет речь об отдельном лице или группе лиц как представителях определенной социальной группы, является ли негативная информация оценкой их личных действий или речь идет об обобщенной характеристике группы в целом, побуждении агрессии по отношению к ней?

Ответы на эти вопросы позволяют сделать экспертную работу эффективной не только с точки зрения примененных методов, но и в контексте общественных интересов.

В заключение следует еще раз констатировать сложность и недостаточную разработанность многих вопросов, связанных с теорией и практикой лингвистической экспертизы в области экстремизма, а с учетом того факта, что как законодательство, так и его истолкование в этой области носит подвижный характер можно ожидать, что неопределенность будет только нарастать и требовать внимания ученых к себе постоянно.

-
1. Кроз М.В., Ратинова Н.А. История и современное состояние экспертных исследований экстремистских материалов // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3(43). С. 146-154.
 2. Подкатилина М.Л., Галышина Е.И. О разработке типовых вопросов судебной лингвистической экспертизы экстремистских материалов // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2013. № 8(151). Вып. 24. С. 204-213.
 3. Подкатилина М.Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов: монография / Под ред. Е.И.Галышиной. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
 4. Батанов А.Н. Понятие «социальная группа» и его уголовно-правовое значение // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10(24): В 2 ч. Ч. I. С. 28-31.

References

1. Kroz M.V., Ratynova N.A. Istoriya i sovremennoe sostoyaniye ehkspertnykh issledovaniy ehkstremitistkikh materialov [History and current state of expert studies of extremist materials]. Teoriya i praktika sudebnoy ehkspertizy, 2016, no. 3(43), pp. 146-154.
2. Podkatilina M.L., Galyashina E.I. O razrabotke tipovykh voprosov sudebnoy lingvisticheskoy ehkspertizy ehkstremitistkikh materialov [On

- the issue of typical question formulation development to the extremist material linguistic examination]. Nauchnye vedomosti. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo, 2013, no. 8(151), iss. 24, pp. 204-213.
3. Podkatilina M.L. Sudebnaya lingvisticheskaya ehkspertiza ehkstremitistkikh materialov: monografiya [Forensic linguistic examination of extremist materials: monograph]. Moscow, 2013. 184 p.
 4. Batanov A.N. Ponyatie "sotsial'naya gruppa" i ego ugovovno-pravovoe znachenie [The concept of "social group" and its criminal and legal meaning]. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 2012, no. 10(24), part I, pp. 28-31.

Makarov V.I. On the limits of competence of a linguist conducting forensic linguistic analysis of extremism materials.

Issues related to the competence of a linguist who conducts forensic examination of materials deemed to be extremist are considered. Assignment procedure, typical questions are examined, and the limits of the competence of the expert linguist are outlined.

Keywords: linguistic forensic expertise, expert competence, extremism

Сведения об авторе. В.И.Макаров — кандидат филол. наук, доц. кафедры русского языка НовГУ им. Ярослава Мудрого, vladlen.makarov@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.11.2018.